

Искусственный интеллект как фактор трансформации права

Научный руководитель – Малиновская Наталья Владимировна

Малыхина Валерия Викторовна

Студент (бакалавр)

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

E-mail: lera.malyhina@mail.ru

В процессе развития общественных отношений правовые институты подвергаются трансформации, что неизбежно влечет возникновение ранее неизвестных категорий и постановку новых вопросов, связанных с опережающим законодательством развитием общественных отношений. Цифровизация общественных отношений предопределила возникновение беспилотных летательных аппаратов, самоуправляемых транспортных средств и компьютеров с системой искусственного интеллекта (далее – ИИ), способных генерировать определенные решения за человека.

Область применения технологий ИИ расширяется с каждым годом, включая в себя как традиционные сферы использования – производство расчетов, анализ данных, так и иные – тесно связанные с жизнедеятельностью человека. Это порождает множество вопросов о последствиях таких решений [1], а также – о распределении бремени ответственности за них, и, как следствие, заставляет пересматривать традиционные правовые представления о правосубъектности в контексте использования искусственного интеллекта.

В 2017 году Европейский парламент озвучил инициативу разработки правовых норм, определяющих процесс создания и использования ИИ, что нашло отражение в Резолюции от 16.02.2017 г., в которой выделено две модели ответственности за вред, причиненный робототехникой: ответственность независимо от вины и иная модель ответственности, согласно которой ответственным признается лицо, способное минимизировать риски. В Резолюции подчеркивается, что необходимо учитывать уровень самостоятельности робота, отличать навыки, которыми его обучили в рамках тренировок, от навыков, которые робот приобрел в процессе самостоятельного обучения.

Резолюция от 16.02.2017 г. в долгосрочной перспективе предусматривает разработку специального правового статуса «электронных лиц» (electronic persons), которые могут иметь права и обязанности в случае вступления в равноправные отношения с третьими лицами, а также способных нести самостоятельную ответственность за любой причиненный вред.

Важно отметить, что в Резолюции указана перспектива наделения статусом «электронных лиц» «продвинутых» автономных роботов – сильного искусственного интеллекта. Современные технологии моделируют образ «слабого» искусственного интеллекта, основанного на математических вычислениях и не способного к многоаспектному анализу ситуации, более того, соотносению действий с морально-этическими постулатами.

Активное развитие технологического процесса обуславливает вопрос: сможет ли искусственный интеллект стать самостоятельной личностью, способной к усвоению чувственного опыта, самоопределению наравне с человеком?

Как отмечают исследователи, определение личности подвергалось изменениям с течением времени. Многие современные дискуссии о личности базируются на определениях, выдвинутых мыслителями эпохи Просвещения. Так, Джон Локк в «Эссе о человеческом понимании» [4] описывает «личность» как «судебно-медицинский термин», который «принадлежит только разумным агентам, способным соблюдать закон, а также счастье и

несчастье». Позднее Д. К. Грей проводит различие между общим и техническим юридическими значениями понятия «личность», отмечая, что последнее относится к «субъекту юридических прав и обязанностей» [2].

Исследователи все чаще обращают внимание на применение юридической индивидуальности к технологическим объектам, в частности, технологиям искусственного интеллекта. Основные аргументы сосредоточены вокруг степени, в которой формы технологии демонстрируют способности, подобные человеческим. В своих трудах Л. Б. Солум [5] выдвигает три возражения против предоставления ИИ статуса юридического лица: (1) личность должна предоставляться только физическим лицам; (2) ИИ не обладает некоторыми свойствами, необходимыми для получения статуса юридического лица (в частности, сознанием, душой); и (3) человеческие артефакты никогда не могут быть чем-то большим, чем человеческая собственность. Можно проследить три эволюционные стадии правовой адаптации — «краткосрочная: толкование и расширение существующего законодательства», «среднесрочная: ограниченная индивидуальность со строгой ответственностью» и «долгосрочная: полная индивидуальность с «постчеловеческими» правами».

В рамках исследований выдвигаются идеи о создании поведенческих тестов, с помощью которых сущность может претендовать на статус личности. Так, Ф. П. Хаббард [3] предлагает следующие критерии: (1) способность взаимодействовать со своим окружением и участвовать в сложном мышлении и общении, (2) ощущение себя самим собой с заботой о достижении своего плана или цели в жизни и (3) способность жить в сообществе, основанном на взаимных личных интересах с другими людьми. Указанные способности зависят от обладания такими свойствами, как рациональность, интеллект, самосознание.

В рамках национального правового поля попытка легального определения ИИ была предпринята путем принятия Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». В документе обозначено, что ИИ есть комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека [6].

Анализ данной дефиниции показывает, что ИИ - это не просто набор технологий, специальных методов и алгоритмов, но те из них, которые, во-первых, воспроизводят когницию, особый психологический механизм, направленный на обработку человеческим сознанием определенной информации, и, во-вторых, приводят к появлению интеллектуального продукта.

В 2008 г. впервые была апробирована новая технология действия мемристора, которая по образу своей работы схожа с коммуникационным предназначением нейронного синапса, отвечающего за передачу нервного импульса между клетками живого организма с участием комплекса нейромедиаторов, что позволило сделать шаг к построению нейроморфной архитектуры ИИ, которая эффективно подражает деятельности *encephalon*.

Очерченное создает предпосылки для перехода от слабого ИИ или ИИ с ограниченной памятью, которые в целом фрагментарно запоминают различные сведения, к сильному ИИ, действительно имитирующему базовые когнитивные способности *homo sapiens* в целях достижения результатов, аналогичных итогам интеллектуальной деятельности. Переход может быть сопряжен с реализацией таких познавательных элементов, как восприятие, память, мышление.

В этой связи исследователи предопределяют возникновение правового явления *Smart Law Doctrine* - условной «отрасли права», содержащей общие направления правового регулирования новой сферы общественных отношений. Среди принципов робототехники выдвигаются такие, как «Роботы не должны играть на эмоциях чувствительных людей»,

«ИИ должен быть прозрачен: всегда должна иметься возможность выяснить, как он работает». Формирование способности моделировать когнитивные функции человека определяют наложение определенных обязанностей на роботизированные системы, в частности – технологии ИИ. Однако наравне с этим предлагается закрепление за ИИ права на развитие и самоопределение, что неразрывно связано с концепцией свободы воли.

Таким образом, дискуссия о целесообразности придания ИИ статуса субъекта права обретает практическое значение. В долгосрочной перспективе вопрос о расширении правосубъектности может быть поставлен, поэтому он нуждается в предварительном осмыслении с позиции как теории права, так и практики его применения.

Источники и литература

- 1) Архипов, В. В. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике / В. В. Архипов, В. Б. Наумов // – 2017. – № 6(55). – С. 46-62.
- 2) Gray J. C. The Nature and Sources of the Law. Columbia University Press. – 1909. – P. 27.
- 3) Hubbard F. P. “Do Androids Dream?”: Personhood and Intelligent Artifacts. Temple Law Review, 83, 405–474. -2011. – P. 419.
- 4) Locke J. An Essay Concerning Human Understanding (27th ed.). T. Tegg and Son – 1836. – P. 234.
- 5) Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences. North Carolina Law Review, 70(4). – 1992. - 1231– P. 817.
- 6) Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 09.02.2024).